

Р. Фрумкина

Общественное мнение

И неосведомленные граждане

Цаллер Джон. Происхождение и природа общественного мнения. Пер. с англ. А.А. Петровой; редактор перевода И.Н. Тартаковская. М.: Институт Фонда “Общественное мнение”, 2004. 559 с.

Книга Джона Цаллера “Происхождение и природа общественного мнения” – достаточно специальный труд, представляющий интерес для разных и при этом не всегда пересекающихся кругов читателей. Разумеется, книга адресована прежде всего социологам как лицам, профессионально изучающим процессы, происходящие в обществе, – становление и функционирование общественного мнения в том числе. Далее, особый интерес труд этот вызовет у американистов, поскольку практически вся конкретика, изучаемая автором, порождена спецификой именно американского социума. Это американская пресса, американская электоральная система, американская система партий, система отношений гражданин–государство, характерная именно для США.

Социальные психологи, обратившиеся к работе Цаллера, тоже найдут для себя в ней много полезного, поскольку автор исследует психологию потребителя масс-медиа, психологическую подоплеку поведения избирателя – рядового представителя гражданского общества, свободного в изъяснении своих симпатий и антипатий (Цаллер называет эти аспекты *политической психологией*). Но все это тоже изучается на примерах из американской общественной и политической жизни.

Главное, чем занят автор, – это исследование процесса формирования массовых политических предпочтений на основе данных, которые можно почерпнуть из СМИ. При этом он делает акцент на то, что СМИ – это рупор, назначение которого со-

стоит в доведении до масс позиций и мнений политических *элит*. Иными словами, с точки зрения Цаллера, рядовой актер современного информационного общества никогда не имеет непосредственного доступа к положению дел, “каково оно есть”. “Положение дел” предъявлено ему через *линзы* тех партийных и политических установок, которые доступные (или привычные) для него СМИ разделяют и транслируют.

Многочисленные примеры того, как мнение американского общества “колебалось вместе с линией” политических сил, стоящих за теми или иными независимыми американскими СМИ, на мой взгляд, и представляют безусловный интерес для нашего читателя. Отношение к войне во Вьетнаме, к гомосексуализму и гомосексуалистам, к чернокожим гражданам, к тем или иным кандидатам на выборные должности – именно подобный фактический материал, освещающий динамику установок

Рядовой актер современного информационного общества никогда не имеет непосредственного доступа к положению дел, “каково оно есть”

простых американцев, изменявшихся под влиянием СМИ, видится мне более поучительным и актуальным, чем модели формирования общественного мнения, предложенные автором. Эти фактические данные – бесценный материал отнюдь не только для социологов, но еще и для историков, в том числе – для тех, кто преподает современную историю и заинтересован в раскрытии ее движущих сил и механизмов.

Чтение Цаллера побуждает задуматься о том, что даже самый *просвещенный* читатель является пленником позиций *элит* или, если угодно, некоторого невидимого экспертного сообщества. Но и это сообщество располагает не сведениями, а лишь более или менее обоснованным набором *предположений* о том, как реально обстоят дела в некотором довольно узком временном и пространственном ин-

Даже самый просвещенный читатель является пленником позиций элит или, если угодно, некоторого невидимого экспертного сообщества

тервале. Иными словами, *информированность* по любому достаточно общему вопросу – это не более чем в высшей степени осторожный *прогноз*.

Позволю себе пример, касающийся моего собственного восприятия.

Наш соотечественник Николай Васильевич Злобин, историк и политолог, с некоторых пор работает в США. 25 февраля 2006 года на радио “Эхо Москвы” с ним беседовала Светлана Сорокина, ведущая популярной вечерней передачи “В кругу света”. Злобин – эксперт крупного неправительственного американского центра, занимающегося проблемами международной безопасности и международных отношений. Он так и называется – Институт мировой безопасности.

Злобин был известен у нас и до того, как его пригласили работать в Вашингтон. Поэтому у меня были все основания слушать эту передачу самым внимательным образом, а потом еще и прочитать расшифровку ее стенограммы на сайте “Эха Москвы”. Признаюсь, что я столкнулась с позициями, которые оказались для меня достаточно неожиданными.

Начну с относительно нейтральной констатации: по мнению Злобина, большинство американских конгрессменов *не знают* о существовании поправки Джексона-Вэника. Далее Злобин напоминает нам, что более 60% конгрессменов США никогда не были за границей. К тому же, он уверен, многие из них не знают даже фамилию российского премьер-министра. Самое интересное, однако, следует ниже (цитирую по стенограмме): “*Американский конгрессмен... даже фамилию Путина не сразу вспомнит, но он будет знать фамилии всех школьных учителей в своем округе и их дни рождения*”.

То есть, согласно экспертному мнению Злобина, американская политика на уровне конгрессмена – сугубо *местное* дело: это интересы *избирателей его округа*. А не далекая Россия или тем паче – Украина. Любопытно, не правда ли?

Но слушаем дальше. Цитирую: “*Я как историк и человек, занимающийся политикой, не вижу ни одного аргумента в пользу того, что многополярный мир будет более стабильным, чем однополярный*”.

Вот те на! И тут я задумалась. Никакие модели, предложенные Цаллером, не помогут проследить, почему же во вполне информированных, казалось бы, кругах моих соотечественников решительно преобладает мнение о многополярности мира: именно многополярность большинству из нас представляется своего рода гарантией равновесия. Скептики, циники, “физики” и “лирики”, побывавшие и поработавшие на разных континентах, читающие на трех-четырёх языках и чувствующие себя в Париже как на Чистых прудах, в Оксфорде – как в Питере, а в окрестностях Вашингтона – как у себя дома, тем не менее не найдут аргументов в пользу однополярности.

У Злобина эти аргументы есть. Вот они: “*...Все основные войны, <...> случались в условиях, когда многополярность позволяла бросить вызов... одна страна была способна бросить вызов другой. Я понимаю, что однополярный мир, он несправедлив. Особенно с Америкой <...>. И вот я считаю, что у России сегодня – не только у России, у всех – выбор между принятием этой несправедливости, попыткой найти для себя удобоваримую формулу выживания, и попыткой дестабилизировать этот однополярный мир. Вот между дестабилизацией и несправедливостью, к сожалению, сегодня российский выбор*”.

Разумеется, радиопередача – тем более прямой эфир – едва ли подходит для подробной аргументации, тем не менее, сказанное заставляет задуматься. Меня – потому что Злобин в моем частном восприятии представляет не какую-то группу заинтересованных лиц, а ту самую элиту, которой я склонна доверять. Ну а если бы Злобин (или другой уважаемый человек) высказался не о глобальных политических проблемах, о которых я по определению не могу иметь квалифицированного мнения, а, допустим, порицал бы гомосексуализм, по поводу которого я имею собственное мнение? Где та элита, мнение которой действительно важно для российского гражданина?

Но вернемся к книге.

В основе модели Цаллера лежат четыре предпосылки, названные им аксиомами. Каждая из них сама по себе достаточно сложна и неочевидна. Думаю, что правильнее было бы сказать, что роль этих аксиом сводится к тому, чтобы с их помощью ужать свою “идеологию” (понимаемую как термин в смысле К. Гирца) до наиболее внятных позиций.

Первая аксиома касается так называемой “*когнитивной вовлеченности*” и вызывает менее всего сомнений. В соответствии с этой аксиомой, чем более каждый из нас чувствует себя заинтересованным в положении вещей в некоторой области, тем больше шансов, что сообщения, ее касающиеся, будут нами прочитаны / услышаны. Понятно, что если у вас сын, брат или друг призывного возраста, вы не пропустите сообщений, касающихся призыва в армию.

Вторая аксиома гласит, что люди склонны критически воспринимать аргументы, не согласующиеся с их политической предрасположенностью, но только в той мере, в которой они в состоянии *устмотреть само рассогласование*, порождающее этот конфликт. Иначе говоря, если я способен к анализу, то я могу быть критичен.

Эта аксиома, с одной стороны, мне кажется тавтологией. С другой – существенно упрощает реальные конфликты. Если я настолько убежденный ксенофоб, что не покупаю на рынке помидоры у азербайджанцев, то я вообще глух к рациональным аргументам: помидоры бывают хорошими или плохими, и если они хорошие – их купит другой покупатель, так что эффект, который ожидается от моих личных действий, – нулевой.

Данный пример взят из реальной жизни и может считаться заурядным проявлением бытовой ксенофобии, не заслуживающим внимания. Приведу другой пример, тем более интересный, что сюжет касается известного польского философа и гуманиста. В 70-е годы профессор N не пил ни чай, ни кофе, поскольку с его точки зрения это означало бы потворствовать колониалистским устремлениям. Но, к примеру, рис в Польше тоже не растет!

Третья аксиома Цаллера называется “*аксиома доступности*” и напоминает нам о том, что быстрее всего мы актуализируем для себя то, что случилось / обсуждалось недавно. С одной стороны, это тавтологично, с другой – неочевидно: разве такой мощный механизм, как вытеснение, отменили?

Четвертая аксиома представляется мне скорее следствием из третьей: это “*аксиома реакции*”. Отвечая на вопросы интервью, люди актуализируют только тот свой интеллектуальный багаж, который, так сказать, “ближе лежит”. Но если вчера произошел пожар с большими жертвами и вся пресса полна обвинениями в адрес городской администрации, которая не озаботилась приобретением пожарных машин, то странно было бы вдруг об этом позабыть, даже если я глубоко равнодушна к перспективе выборов этой самой администрации, полагая, что хрен редьки не слаще.

Пафос Джона Цаллера, разумеется, не в том, чтобы свести многообразие социальных практик, порождающих и использующих общественное мнение, к небольшому числу более или менее прозрачных схем. Автор прекрасно отдает себе отчет в сложности формирования *мнений* вообще и, в особенности, в степени их действительной “общественности”, равно как и в мере их “зеркальности” по отношению к социальным феноменам, пусть даже и “кривой”. Главная цель работы – разработка концепции, модели анализа процессов изменения общественных представлений в связи с динамикой в публичном дискурсе – в дискуссиях

Чем более каждый из нас чувствует себя заинтересованным в положении вещей в некоторой области, тем больше шансов, что сообщения, ее касающиеся, будут нами прочитаны / услышаны

политических элит и в “повестке дня” масс-медиа. И важным здесь представляется то, что в свою модель Цаллер вводит “неосведомленного гражданина” и указывает на необходимость систематического размышления и проблематизации этого аналитического факта.

Споры социологов об их инструментарии, о природе социологических измерений, о мере “кривизны” социологических зеркал, о том, что же люди на самом деле делают, когда отвечают на вопросы, будут продолжаться до тех пор, пока общество будет интересоваться своим вчера, сегодня и завтра.

Некоторые из коллизий, сопутствующих подобным спорам, еще вчера не были для нас актуальны, поскольку условием подлинного социального познания является свобода. Хрупкий цветок, между прочим... ■